

КРЕЩЕНИЕ

Рассказ-быль

Деревня Чарлык прилепилась на крутоярье Кондомы. И не деревня даже, а так, заселок вокруг редута. От самого Томска до сердца Алтая протянулась эта цепочка крепостей, редутов Кузнецкой сторожевой линии. Надежно защищает улусы и деревни от набегов джунгар.

Даже новенькая церковка цыплячьей желтизны, что недавно появилась на береговой скале Чарлыка, такая мирная с первого взгляда, зорко уставилась слюдяными оконцами на Кондому и лесное заречье, высоко взметнув с купола деревянный крест. Смотрите, мол, чтоб тихо было, а не то... Быстро кликнем воинских людей из Кузнецкой крепости. Не зарьтесь на чужое.

...А вокруг редута — горы, горы. Как щетиной, обросли они сосновыми да кедровыми лесами, ельниками, непролазными березовыми чащами. Задыхаются в жаркую пору от испарины густого разнотравья.

— Сам нечистый свернет шею в экой страсти господней, — сокрушается обычно отец Смарагд, указывая на хмурые скалы и шальную реку, когда отправляется в улусы проповедовать слово божье.

По распадкам и таежным луговинам, близ рек, выставили ребристые спины аилов тихие шорские улусы. Безлюдье в них с утра и до вечера. Охотники в тайге, а женщины, ребятишки, старики до заката копают коренья или на речных отмелях ловят рыбу.

А места вокруг заселка благодатные. По логам и распадкам — густоющая черневая тайга, вся в тяжелой зелени пихт, елей, цепко настороженная, оберегающая свои лесные тайны. По взгоркам и хребтам — звонкие сосновые боры. Без подлеска, без травы. Одни меднокорые великаны тихо шумят под ветерком, навевая покой.

Всячески привечают в Чарлыке ясачных охотников. Больше двух лет жил возле редута в своем берестяном аиле беглец из двоеданческой Каргинской волости Апанас Куртуков с жонкой Текле и дочерью Тортый. Поставил аил за бруствером редута, ближе к тайге на всякий случай и, как прежде, продолжал охотиться, ловить рыбу, зная, что русские защитят. Прижился Апанас скоро. Бывая в избах служилых, он, как замечали, на лету перенимал русские обычаи, а прошлой весной, когда казаки, свободные от караулов, пахали и сеяли, служилый Мотья Петрухин не только дал Апанасу приладиться к ручкам сохи, но и заставил прошагать за сохой три гона.

— Привыкай, парень,— в улыбке скалил он зубы и трепал Апанаса по плечу, когда тот, с непривычки вспотевший, растерянно улыбаясь, отдавал ему вожжи.— Будешь сеятелем... С хлебом-то лучше, чем коренья в тайге копать да с голоду пухнуть...— и одобряюще махал рукой, приглашая:— Заходи как-нито вечером. Весь пашенный обиход скажу...

Легко вошли в жизнь Чарлыка и Текле с Торты. Бабы, они быстрее мужиков понимают друг друга и знают, о чем говорить, а тут еще казацкие жонки углядели, как узористо бисером и многоцветьем ниток вышивают мать и дочь. Особо искусница Торты. Какие замысловатые узоры по черному джунгарскому шелку она выводит! То ярко-зеленое густолистье хмеля по краям разбросит, а в середине невиданные ярко-охристые бутоны, будто вот-вот они раскинут лепестки, и вся вышивка вспыхнет красотой невиданной. То лазоревое многоцветье, как июльская луговина, по всему подолу. А то еще и так: крестики да коробочки, крестики да коробочки— по всему низу сарафана. И у каждого свой цвет.

Завороженные красотой чарлыкские модницы, таясь от мужиков, наперебой упрашивают искусниц изукрасить им наряды.

— Мой-то, как углядел на сарафане рукоделье,— захлебывалась рассказом молодая казачка Марфа,— масляным блином расплылся... Ей-богу!— задохнулась она от сладкого воспоминания.— Я и не знал, говорит, что такая баская ты... Хоть второй раз под венец иди с тобой...

Казалось, жизнь возле русских ничего, кроме добра, Апанасу не сулит. Сам все время в тайге. Текле с дочерью нарахват среди казачек. Даже русский обиход в аиле заводить стали. Все вроде ладно, но вдруг прошлой осенью, без всяких видимых причин, разобрав в одночасье аил, Апанас откочевал обратно в тайгу. Откочевал, и с тех пор, более полугодя, и сам в Чарлык ни ногой, и мать с дочерью не отпускает.

Чарлыкские щеголихи, конечно, всполошились. Кроме Текле и, особенно Торты, нет в деревне таких искусниц. Казачки, верховодившие в семьях, стали нудить мужей.

— Не казаки вы, а размазни, вроде пивной гущи,— допекала бойкая чарлыкская бабенка Устя своего мужа—тихоню Естифея Дронова.— Единственную семью таежную не удержали... Стыдобушка! Не исполняете наказа,— запнулась было, но тут же зачистила:— Даже нам, бабам, ведомы слова кузнецкого воеводы...— многозначительный взгляд говорил, что даже им, бессловесным в казенных делах, кое-что известно.— Всячески привечать таежных людей велено!— добавила знающе.— Учить русским обычаям!.. А вы— что?!

— Вот сама и учи!— огрызнулся Естифей, выведенный из терпения.— Или сходи к нашему Федьке Зубову, его попроси...— И чтоб Устя отвязалась, пояснил:— Это он выжил Апанаску... Вишь, тот не делал ему подношений сверх ясака.

Были и другие толки. Мол, из Паспакула дважды приезжал бай Мултык. Седой, с глазами увертливыми, лживыми. Будто обещал богатым калым за Торты, говорил, что хоть она и четвертой женой будет, зато самой любимой... А если, мол, не отдаст,— Мултыковы кулы украдут Торты, и Апанас калым не получит.

Откуда узнавали в Чарлыке такие подробности— сказать никто не

мог. Людская молва — птица легкая! За тысячи верст объявляется. А, может, сами служилые при встречах таежных заводили с шор-кижи разговоры и, хоть понимали друг друга с пятого на десятое, все равно приносили потом новости в Чарлык.

И только двое в поселке догадывались об истинной причине. Одним был молодой казак Дениска Летаев, а другим — отец Смарагд — поп Чарлыкской церкви.

Я ростно бурлит Кондома у скал Чарлыка, грудью бьет в каменную стену, но так ничего и не успев, только еще больше размыв бездонную яму под церковной скалой, обессиленно откатывается на отмель, заискивающе оглаживая борта лодок на прибрежном песке.

Лодок на берегу больше двадцати, почти столько, сколько изб на взгорье. Никто ведь в Чарлыке не может обойтись без лодки: у одних постоянная надобность бывать на островах, где покосы, другие рыбачат до ледостава.

Августовской же порой, когда зреет хмель, и стар и млад из Чарлыка устремляются в хмельники. С утра и до вечера, особенно по воскресеньям, сплывают лодки между берегом и островами, до самой ночи людское разноголосье над рекой. Брага да пиво — исстари первейшее угощение в русских семьях. Каждая жонка сварит такую хмельную благодать — одним ковшом упоит. Да и хлеб на опаре пуховой!

Все из Чарлыка ездят в хмельники, мешками везут хмель домой, а вот брагу и пиво варят не все. К примеру, вдовый казак Иван Летаев с сыном Денисом хоть и плавают на остров и насобирают хмеля в достатке, а брагу почти никогда не варят. Разве что соседская Устя — жена Естифея — иной раз сжалится над мужиками.

— Натаскайте дров посуше, да не мешайте управляться возле печи... Будет вам брага... — и с откровенным хитрым прищуром глянув на русоволосого Деньку, захохочет: — Жениться тебе пора... Невесту веди скорее... Хоть жилым будет пахнуть в избе...

И в этот раз Устя принялась было подсмеиваться над смущенным казаком, намекать на радости жизни с молодухой, но, глянув на Ивана, как-то жалко улыбавшегося, мол, что пустое говорить, какие такие родители согласятся отдать дочь в их нищету, повернула неожиданно разговор совсем в другую сторону:

— Пусть сваты съездят к Апанасу. Дочка-то его, Тора, давно глаза проглядела, ожидая Дениса...

Говорила Устя на этот раз без обычного озорства, понимая всю важность слов:

— Если вы, тюхи, ничего не замечаете, то бабам чарлыкским давно все видно...

Устины слова для Деньки, конечно, не были новостью. Он давно заметил кареглазую дочь Апанаса, еще когда они жили возле редута. Приметил смоляные косы и смуглый румянец. Даже в аил к ним три раза заходил с каким-то задельем. Но чувствовал Денька открытое сопротивление отца с матерью, когда те поняли, что Торты ему нравятся...

Да и Денькин отец мысли не допускал, что его Денис может жениться на нехристи, на татарке, как называют в Чарлыке таежных людей. «Если русскую не можем принять в семью, — сердился старик, — то эту и подавно...».

— Никогда ведь не бывало среди Летаевых, чтоб с нехристями роднились, — гордо вскидывал он голову. — Покойный тятенька хотел было после смерти нашей матери привести в дом татарку, да священник кузнецкий очурал. Грех великий, говорит. Бог накажет...

И еще тогда же старый Летаев добавил, чтобы уязвить Устю:

— Нет среди кузнецких служилых ни одной семьи, где бы жонка была из татарок... Православная вера не разрешает...

Сказал так и... осекся, замолчал, понял, что сгоряча необдуманное слова вырвались.

— Чуть со смеха я не лопнула, — рассказывала Устя чарлыкским бабам о том разговоре. — Хоть и говорит неразумно, а Иван — мужик степенный, перечить не будешь. — В откровенной ухмылке Устя сверкнула мелкими хищными зубами: — Будто не видим, что у многих кузнецких казаков жонки-нехристи... И живут в ладу, и детей рожают, — она озорно подмигнула бабам: — И бог не наказывает...

Деньку же слова Усти в том разговоре с его отцом обнадежили, дали понять, что из положения, в котором находится уже полгода, выход есть!.. С кем вот только посоветоваться? Дело-то нешуточное! С десятником?.. Денька заранее знает, что тот посоветует. Служи исправно, скажет, — повысим... Тогда любому отцу с матерью не зазорно будет иметь такого зятя...

А тут еще все тревожнее на душе из-за слухов о бае Мултыке, о том, что настойчиво склоняет он Апанаса отдать дочь за него. Отголоски людской молвы все чаще доходят до Деньки, мутят сомнениями душу, расшатывают веру в Торты.

И решил казак сходить к отцу Смарагду, спросить совета. Знал, что тот, помимо служения господу богу, мастер по части всяких и богоугодных, и не совсем богоугодных дел. Даже обвенчать тайно может, сказывали, если невеста украдена у родителей.

— Богоугодное дело замыслил, — поддакнул Смарагд, выслушав сбивчивый рассказ. — Выюнош не должен быть один... От бога это... — Огладив пышную бороду, он посмотрел, прищутив глаз, на небо, как бы советуясь с всевышним, а на самом деле соображая, каким путем ловчее спроворить все. — Только трудно это, — вздохнул хитрец и обжегал приметливым взглядом темных глаз Денькину фигуру. — Язычница девка-то... — испытующий взгляд задержался на кудрявой, покорно склоненной голове. Понимая, что сейчас у того на душе, Смарагд смягчился:

— Крестить надо язычницу-то любезную твою... — и, поколебавшись, успокоил. — Сам займись этим делом... «И мне зачтется, — подумал. — Еще одну заблудшую овцу в лоно церкви приведу...».

Денискиному отцу Смарагд, понятно, ничего не сказал о разговоре с его сыном, понимая, что и огласки тогда не избежать, и дело можно испортить. Набожный Иван по обычаю заупрямится, не захочет, чтобы сын совершил это богопротивное дело. Иначе, как богопротивным, Иван

и не назовет то, что замыслил Смарагд. Хотя, если посмотреть с другой стороны, намерение Смарагда — угодно всевышнему. И выгода зримая. Зачтется и от бога, а главное — от епархиального начальства. В пример другим попам будут ставить, мол, сумел же вот священнослужитель Чарлыкского прихода угодить всевышнему.

И зачастую с той поры Смарагд в Паспакул, где теперь жил Апанас. Раньше, бывало, во сколько-то месяцев раз наведается и хорошо, а теперь стал наезжать чуть не каждую неделю. И непременно норовит зайти в аил, побеседовать с Апанасом, угостить, а то и подарком каким одарить. А для Торты и Текле попадья всякий раз бисеру присылает.

В улусе все на виду и многие, конечно, заметили такое внимание попа к охотнику, но никто по первости не мог понять его причину... Шаман Керге пустил было слухок, что русский шаман хочет взять себе Торты второй женой, но сам Апанас просмеял эту выдумку. Он хорошо уже знал, что у русского попа только одна жена может быть.

— Правду рекешь, Афанасий Иванович, — одобрил Смарагд охотника, когда услышал, как тот выставил на смех шамана. — У русских нет обычая, чтобы на потеху старику отдавать отроковицу... Не то, что по вашей вере... Доходили вон слухи о вашем Мултыке... Ишь, чего замыслил!.. — Смарагд огладил бородищу, самолюбиво раздул ноздри шишковатого носа, будто резкое что сказать хотел, но вдруг, поскуцнев лицом, как бы между прочим, вымолвил: — Вот если б крещеная была дочь, — Мултык не посмел бы сбивать с толку... Смарагд зорко посмотрел на охотника. — И, конечно, лучше всего будет, если православие примешь всей семьей...

Заметив, как испуганно отшатнулся Апанас при этих словах, Смарагд более осторожно принялся вразумлять:

— Ну, если не всей семьей, то дочь-то обязательно должна принять веру Иисусову... Тогда и Мултык перестанет стращать разором... Да и русские служилые не дают православных в обиду...

Много раз поп заводил такие речи, и страхом, и обещаниями склонял Апанаса принять православие, но успеха — никакого. То охотник прикинется непонимающим, сидит и молчит, то на все увещевания согласен кивает головой, а когда Смарагд назначает сроки, Апанас испуганно убегает из аила.

— Экий дурак, прости господи, — не вытерпит другой раз поп. — Убудет тебя, что ли, если купель примешь?.. В кадке ведь, а не в реке окунешься-то!..

Хоть и не первый год ездил Смарагд по шорским улусам, много перевидел обычаев, а не знал, что, по древнему их поверью, нельзя лесным людям купаться, нельзя менять рубашки. Великий Эрлик — покровитель лесных людей — велит носить одежду, пока она от ветхости не спадет с плеч... Да и заклинания бородатых русских шаманов во время крещения страшат, и запах сладкого дыма кружит голову, и дышать трудно, а главное — неизвестность: для чего все это?! — отпугивает лесных людей.

А тут еще Мултык и Керге, почуяв, что неспроста русский зачастил к Апанасу, стали стращать охотника.

— Э-э, Апанас,— прилаживаясь взглядом косых глаз куда-то мимо лица охотника, бормотал шаман.— Ты ведь знаешь Эрлика, знаешь, какой он?... Так вот и Эрлик, и все младшие духи не будут оберегать твой аил, если будешь слушать русского шамана. Это мы с Мултыком тебе говорим. Все отвернутся от тебя.— И вкрадчиво нашептывал: — Каждому шор-кижи известно, что без добрых духов он шагу ступить не может... Пропадешь и ты, и Текле с Торты... Убегай лучше из улуса, как только увидишь этого русского... А лучше всего — сделай, как просит Мултык.

Известно стало и Смарагду, что несговорчив Апанас из-за недобрых советов шамана и бая. «Все прахом может пойти,— всполошился поп.— Хотя не всех, а кого-то одного из семьи охотника окрестить бы,— озабоченно скреб он бороду.— Непременно надо перехитрить шамана!.. Сокрушить. А то вон куда поворачивают, верой языческой застрашивают...— Смарагд самолюбиво вздергивал голову: — Не выйдет, окаянные!..

И, обдумав все, действовать решил иначе. Нет, он не отказался от намерения привести в православие еще одну шорскую семью. Как можно!.. Нельзя ни одного подходящего случая упускать!.. Не так уж часто соглашаются лесные люди принимать веру Христову. Больше по нужде, когда голод мучает... Новокрещенных-то на первых порах попы подкармливают... Коли Апанас противиться будет, Смарагд окрестит не всю семью сразу, а дробно, поодиночке. «Сначала дочь, потом Текле, а когда в аиле станет двое православных, — отец сам залезет в купель! — Довольный придумкой, потирал руки поп. — Посрамлю я шамана!».

Теперь вместе со Смарагдом в Паспакул стала ездить и попадьа. Матушка Евстолия знает Торты еще по Чарлыку, поэтому ничего необычного никто не усмотрел в этом. Да и любит попадьа грешным делом наряжаться, щегольнуть сарафаном. И Смарагд настрого наказал попадье привечать девушку, звать в Чарлык гостить. «Найди заделье, но чтобы язычница чаще бывала в Чарлыке,— грозил он кулаком, когда разговор об этом заходил.— Божью овечку из Паспакула мы первой приведем в стадо господне...».

Наторевший в хитроумном деле ловли душ язычников, Смарагд привлек к спасению Апанасовой дочери не только попадью, но и Деньку.

— Придется порадеть, Деньша, и тебе, — издали начал поп щекопливый разговор. — Знаю, что истосковалась твоя душа по ясыньке светлоокой, — преувеличил по обыкновению велеречивый поп, хотя и ему, и Деньке хорошо известна смуглая красота Торты, — но слиться воедино ваши души смогут только после крещения язычницы...

Ласковый взгляд масляных глаз Смарагда проникал в душу казака, вызывая неясную тревогу, будоражил воспоминания. А попу это и надо: знал, что растревоженная душа более покладиста.

— Придется во славу божью потрудиться... Мы с матушкой Евстолией в лоб, а ты обходом. — Оценивая оглядев Деньку, уверившись, что тот справится, Смарагд рассказал, что и как он должен делать.

— На днях попадьа съездит в Паспакул, повидается с Торты, — поп вроде бы даже подмигнул, мол, примечай, о чем дальше речь, — узна-

ет, в какую тайгу раскрасавица твоя ходит за кореньями. Сейчас еще время не минуло корни копать,—пояснил деловито.—А как только мать Евстолия возвратится в Чарлык, я извещу, где и когда ты можешь разлюбезную свою встретить.—Едва заметная ухмылка скользнула было по губам попа, но, встретив недоумение Дениса, не понимавшего охальных намеков, он стал серьезно ему толковать, что такая встреча в его же интересах, таким путем они быстрее вразумят язычницу.

— А на слова ты не должен скупиться, — настаивал он, — ведь любите же вы друг друга — вот и уговори ее, скажи, что как только она примет веру Христову — сразу войдет хозяйкой в твою избу... — вспомнив, добавил. — Тогда и отец не будет противиться женитьбе... Да поласковее будь, смотри. Ласковым словом камень можно растопить...

Щедрой хозяйкой прошла в том году весна по Кузнецким крутогорьям и непролазной тайге, жаркими кострами невиданно ярких цветов полыхали долины и распадки. Гордо вскинув головки, рдели алые саранки, красовались кандыки и желтели хлебенки. А в таежных затишках, под строгой охраной елок и пихт, робко теснились нежно-голубые незабудки. Им так хотелось на простор, под жаркое солнце, навстречу своему короткому счастью... И Кондома, и все таежные притоки, вышедшие в полуиюньскую воду из берегов, начали уже остепеняться. Спадающая вода осветлялась, и не так стремительно рвалась в низовья, в Томь, к холодному морю...

В такую вот пору две недели спустя после разговора с попом и пробираясь Денис к вершине Теренсу — маленькой речке близ Паспакула... По всему-то встреча с Торты должна была состояться немного раньше, но попадя, отправленная Смарагдом в Паспакул после его разговора с Денисом, пробыла там вместо двух дней полторы недели.

— Этот аспид косоглазый, Керге, никак не оставлял вдвоем с Торты, — жаловалась мать Евстолия по возвращении. — Почуял, должно что-то. То сам все время крутился в Апанасовом аиле, то послуха какого-нибудь обязательно подсылал. Без передыху следил... Но слышь-ка, отец Смарагд, — попадя отерла заеди в углах рта и неожиданно всей грузной фигурой зашла в смехе. — Перехитрила я шаманишку!.. Пра слово, перехитрила... Один на один разговаривала с Торты!.. Все ей сказала. И как Денис любит ее, и как будет заботиться... Все, все...

Довольная так удачно, по ее мнению, выполненным поручением, улыбающаяся попадя думала, что Смарагд похвалит, скажет ласковые слова, какие он умел говорить ей в молодости, но поп вдруг всем лицом как-то вывернулся и хотел окатить самыми непотребными словами, однако вместо слов из глотки только шипенье несло. «Чисто гусак!» — смешинка заслонила все страхи, и попадя расхохоталась.

— Господи, дурища-то какая! — поп схватился за голову и, как от великой зубной боли, промывчал: — Разве так я наказывал? Полено ты, полено осиновое... Главного не сказала: в каком месте на Теренсу искать ей Дениса-то! Ведь наказывал же, в верховьях речки, у родничка!..

Он со стоном, безнадежно махнул рукой. Что с ней поделаешь!..

Дура от рождения... В молодости-то незаметно было. Больше красотой попададь любовался. А теперь кроме досады эта дурища ничего не вызывает. «Хорошо, что не у одного меня так, — успокаивал себя. — На исповедах вон многие жалуются на баб... Даже каются, что под венец пошли».

Повздыхав, переживая неудачу, Смарагд зорко глянул на попададю и погрозил кулаком:

— Завтра снова поедешь в Паспакул, — и, заметив испуг в блеклых глазах попадади, пояснил. — До полдороги вместе с Дениской, а там, когда он свернет к роднику, одна доберешься... Баба ты еще крепкая, ничего не случится, доедешь... — Походив по горнице, он принялся наставлять. — Повидаешься с девицей и предупредишь, чтоб не пугалась, если возле ключа встретит своего суженого, — но заметив, как покорно попададь соглашается, беспрерывно «агакая» в подтверждение, Смарагд забеспокоился, что опять эта дурища напутает, однако тут же и отошел, успокоился: «Ничего, пусть... в третий раз заставлю ехать...».

— Но и это не все, — погрозил он пальцем, — Дождешься, когда девка возвратится, и непременно уговоришь поехать в Чарлык... А здесь я все спроворю... Слышишь?! — топнул ногой, заметив нерешительность на рыхлом лице попадади. — Шкуру спуцу!.. Хоть и грех великий руку на ближнего поднимать, а переступлю заповедь, если не исполнишь моего наказа.

...Когда до верховья Теренсу оставалось с версту, Денис разнуздал и стреножил коня: «Пусть пасется. Пешком способнее, да и недалеко уже...».

Перетянув туже опояску, поправив шапку и невольно весь подобравшись, — что ждет там, у родника? — казак торопливо зашагал вверх по склону. Но шел не тропинкой, что едва прослеживается меж кустов, а неслышно, стороной, хоронясь от лихого глаза. Безоружный ведь, с одной саблей. Ружей в редуте мало, и казаки держат их в руках только в часы караула да при объезде волостей.

Шел Денька быстро, то продираясь сквозь еловый подрост, то песчаными полянами, едва затянутыми травой, то сосновым редколесьем. Отдельные гиганты обросли снизу такой толстой корой, почерневшей от времени, что и возраста не определишь... Да, признаться, Денису и не до того, некогда глядеть по сторонам.

Мыслями он уже рядом с Торты, уже разговаривает с ней, правильное-то сказать он, главным образом говорит. Торты плохо по-русски понимает. Да это и не столь важно. Торты сердцем поймет, по ласке в голосе догадается, с чем пришел к ней Денька.

Много нежных слов он скажет ей. Самыми дорогими именами назовет... Ясынька! Соколинка! Цвет мой алый! Единственная! Любая!

Ничего, что мало пока слов понимает Торты. Деньку она поймет. Поймет, как любит он ее, как все время думает о ней, часто разговаривает мысленно, родной называет! Он и сейчас, у родника, повторит эти горячие слова. Торты понятливая. Она такая, такая... Денька подыскивает то единственное слово, которое никто кроме него не сумеет сказать!

Занятый мыслями, он незаметно вышел к вершине Теренсу. Осторожно, от дерева к дереву, чтоб и сучок не треснул под ногой, подошел к роднику. Чуть в сторонке от двух кедров из-под корней играючи бьет родничок... И яминка-то всего шапкой накрыть, а вот живет прозрачная вода, хрусталиками переливается, живинкой играет!

Затаившись возле кедров, слившись с ними, Денька чутко вслушался в тишину, но кроме легкого шума веток там, в вышине, да хлопотливого писка пичуг в кустарнике — ничто не нарушает затаенности леса. «Не дошла еще, — мелькнула у него мысль. — Это я лез напролом. Ничего... Попадья рассказала, куда идти. Появится».

Казак всматривается в кустарник, окружающий исток ручья, но кругом тихо. Только ветерок пробегает в вышине, да чуть колышутся голые ветки. Нигде никого. Вон, только пень почему-то нет-нет да и шевельнется. Почему бы это? Или кустарник это шевелится под ветерком, а не пень?

Напрягшись так, что побледнели и заострились черты лица и еще заметнее стали веснушки, Денька, затаив дыхание, разглядывает пень... Ага, вон что! Пень чуть-чуть качнулся... Не прутья, а пень качнулся! Да и не пень это, оказывается, а человек. Спина человека.

Старая заношенная шуба и шапка из рыжего меха так слились с голым кустарником, что и не отличишь! «Что за человек, кого караулит? — Или охотник?».

Неизвестно, что бы он еще подумал, если б не послышался треск сучьев, и не показалась Торты. Понимая, что ее ждут, девушка шла к роднику без обычной осторожности. «Предупредить! Крикнуть!» — чуть не взвился Денька, но Торты как раз поравнялась с кустарником, где затаился человек. Ничего не заметив, Торты шагнула вперед и... отпрянула.

Нет, не закричала, у лесных людей нет этой привычки русских сразу звать на помощь. Лесной человек рассчитывает прежде всего на себя, на свои силы и сметливость. Как гибкая ласка, метнулась Торты в сторону, в другую, вихрем побежала без оглядки, но неизвестный мгновенно догнал и схватил за руку. И только тогда Торты вскрикнула:

— Керге, проклятый, пусти!

Ножом резанул крик Деньку. Чуть не одним гигантским прыжком очутился он возле шамана и, яростно сверкнув шашкой, одним ударом хотел порешить обидчика, но тщедушный Керге, всегда прикидывавшийся полуслепым, неповоротливым, ловко увернулся, замер на миг и, поняв, что сейчас шашка в ловких руках довершит дело, толкнул Торты под ноги Деньке, а сам исчез в кустах...

Разъяренный казак бросился следом, но на руке его повисла Торты.

— Нет, нет!.. — быстро заговорила она, путая русские и шорские слова. — Керге позовет Мультика! — и в глазах, больших, бархатно-темных глазах девушки полыхнул страх. — Чарлык, Чарлык! — показывает она в сторону редута и, ткнув себя в грудь, снова нетерпеливо машет в ту же сторону, повторяя запомнившееся слово: — Конь, конь...

И Денька понял испуг Торты, понял, что ему надо спешить в глав-

ном, а не за шаманом гоняться. Испуг Торты яснее ясного говорит, что следует не медля гнать коня в Чарлык, под защиту русских, пока Керге не добрался до Паспакула, не известил Мултыка и не поднял людей в погоню. Схватив Торты за руку, Денька заторопился.

— Скорей, скорей! Там конь, — махнул рукой в сторону луговины. — Бежим. На развилке мать Евстолия ждет! Скорей...

День солнечный и жаркий, один из первых по-настоящему летних дней начала июня. Кондома аж светится вся, радостно играет зайчиками. Даже заречный ельник, обычно хмурый, непроницаемый, обозначился каждым деревом, каждой веткой... И только скала над береговым обрывом, где замерла Чарлыкская церковь, хмуро глядит на Кондому и заречные дали, будто только что совершила какое-то постыдное дело.

Воскресная служба в церкви закончилась, закончилось и крещение, проведенное наспех, и теперь церковный колокол надтреснутым тенорком оповещает православных о появлении еще одной крещеной души. Сейчас на паперть в сопровождении крестной матери — попадьи Евстолии и крестного отца — казака Мотьки Петрухина выйдет новообращенная в православие отроковица.

— Теперь, поди, в Чарлыке жить будет, — с любопытством смотрят на церковную паперть казачки, ожидая новокрещеную Татьяну, бывшую язычницу Торты. — Раскрасавица-девка. Кому-то достанется в замужество...

— Известно, кому... Молодому да ухватистому! — Устя игриво ухмыльнулась и заправила под платок выбившуюся прядь. — Есть у нас такой! Давно сохнет по девке. Я ему уже сколь раз говорила. — Устя хотела этими словами показать бабам, что и она причастна одним краем к сегодняшнему торжеству, но в этот момент на паперти появилась Торты в сопровождении попадьи, и бабы жадно завытягивали шею.

— Гли-ко, гли-ко, павой выступает, — засуетилась лупоглазая Фима — жена крестного Торты — Мотьки Петрухина, ревниво разглядывая девушку. Не в пример некоторым русским молодым, показывающим в многолюдстве смущение, — Торты, переодетая попадьей перед крещением в русский сарафан, никого не замечая идет с гордо поднятой головой.

— У-у бесстыжая! — вдруг ненавидяще прошипела Фима.

— Никуда твой Матвей не денется, — разгадав причину ревности Фимы, хохотнула Устя. — У этой девки муж — сокол будет...

Даже мужики, свободные от охранной службы казаки, стоявшие кучкой ближе к обрыву, — повернулись к паперти.

— Вот невеста завидная! — толкнул Деньку локтем Естифей. — Послушная жонка будет. — Вскинув голову, Естифей тоном знатока пояснил. — Они, которые из татарок, добрыми жонками бывают... — И вздохнул. — Не то, что моя язва.

На паперти между тем появился Смарагд. Церковное облачение он успел снять и стоял в расхожем подряснике. На лице — широко, с но-

сом шишковатым, в окладе смоляной бороды, — разлито довольство человека, исполнившего давно задуманное дело. Оглаживая пышную бороду, он смотрит на прихожан и отсвет самодовольной улыбки бродит по его лицу. Так и кажется, что сейчас он подмигнет прихожанам, похвастается: «Вот как надо проворить дела!».

Смарагд шагнул было с паперти, чтобы вместе с попадьей увести Торты к себе домой, но вдруг устался на паспакульскую дорогу, да так и остался с занесенной ногой. С паперти хорошо виден спуск с последнего перевала. Видно каждого, кто мелькает в сосняке. А затем, когда дорога нырнет в березняк, что подступил к заселку, — ни один человек не останется незамеченным. И сейчас Смарагд первый заметил двух всадников странного вида, мелькавших меж берез.

От неясной тревоги сердце попа заныло. По шубам, которые часто не снимаются и летом, ему нетрудно определить, что это шор-кижи. Передний так яростно нахлестывает коня, словно это бегá, и он непременно хочет стать первым. Шапку всадник потерял, волосы растрепались. Чуть позади скачет женщина. Она тоже без шапки и множество косичек змейками мчатся следом.

«Это ж отец и мать Торты! — обожгла попа мысль, и неудержимый страх толкнул было обратно к церковным дверям, но остановила забота о новокрещеной: спрятать девку надо!». Несмотря на годы, Смарагд вьюном соскользнул с паперти и склонился к попадье, стоявшей с Торты́ возле казачек: «Сей же часец спрячь девку в подпол, — прошипел чуть не по складам и, заметив растерянность попадьи, зло щипнул ее. — Сгинь!..».

«Выстоять только первый наскок, — настороженно следит он за приближающимися Апанасом и Текле. — Сказать, что ни сном, ни духом не знаю ничего. Покреститься в подтверждение. В храм завести, показать иконы, — мелькнула мысль. — Ничего, что нехристи будут цапать святые лики, — усмехнулся криво. — Главное — оправдаться и на этот раз!».

Но ничего этого делать не пришлось. Едва Апанас подскакал и мешком свалился с коня, бабы возле паперти загалдели:

— Чего так поздно? Дочка-то уж сподобилась святых тайн. Татьяной нарекли.

Однако Апанас не задержался возле казачек, да и не слышал их. С безумными глазами он подскочил к Смарагду:

— Какой твой плохой человек! — Мутные старческие слезы текут по морщинистым щекам, а все лицо выражает такое горе, что даже у Смарагда на миг шевельнулось в душе что-то вроде сострадания. — Пошто портил девку?! — замахал Апанас кулаками, хватаясь за поповский подрясник. — Керге сказал: русский будет! У-у,.. — сунул он кулаком в бороду попа, и слезы с новой силой потекли по скуластым щекам.

Горе отца, дочь которого лишили самого дорогого — жизни по своим лесным законам, верованиям, привычкам — столь велико, что даже кое-кто из казачек начал смахивать слезу.

«Ничего, сейчас стихнет, — Смарагд изучающе смотрит на вздраги-

вающую спину Апанаса. — Погорюет малость и успокоится. Для его же блага. А потом, — поп невольно вздернул плечом, — не он первый, не он последний. Скоро четвертую часть лесных людей приведем ко кресту, — и, покосившись на вздрагивающую спину Апанаса, с какой-то расчетливой деловитостью подумал. — Подожди малость, и за тебя с Текле возьмемся. Все будете...».

Мысль Смарагда однако так и осталась незаконченной. Из-за церкви, где островок старых берез вплотную подступил к жердяной ограде, донесся дикий вопль и почти сейчас же оттуда выскочила Устя. С глазами, белыми от ужаса, она судорожно хватает ртом воздух и машет рукой куда-то за церковь: «Там... там...» Что «там», Устя никак не может выговорить, но люди, стоявшие около паперти и на площадке возле обрыва, уже догадались, что случилось что-то небывалое и хлынули за церковь.

Но лучше бы Денька туда и не ходил, и не глядел! То, что предстало среди ликующей зелени берез — было страшно. На суку, склонившемся над самой оградой, висела Текле, и легкий ветерок трепал ее жиденькие седые косички, затенявшие мертвое лицо...

Звенящая тишина обрушилась на Деньку, придавила такой тяжестью, что ни рукой шевельнуть, ни ногой двинуть, и в душе — хоть шаром покати: ни сожаления, ни сочувствия. Только страх. Неодолимый цепенящий страх.

Продолжалось однако это всего несколько мгновений. Оцепенение спало так же внезапно, как и возникло, и первая, огнем полыхнувшая мысль, была о Тортѣ: «А как же она теперь?» Но в этот миг Апанас, растерянно метавшийся возле Текле, вдруг выдернул из ограды жердь и с криком: «Поп Марашка!» — устремился за Смарагдом. — Куда девал Тортѣ, проклятый священник?! Сейчас я тебя...».

Чувствуя, что Апанас настигает, Смарагд, трусливо бежавший вдоль обрыва, вильнул влево, тут же повернул вправо, и... прямо угодил на Апанаса. Все видели, как Апанас вцепился в шею попа. Несколько мгновений на обрыве шла яростная молчаливая борьба, а затем две намертво схватившиеся фигуры исчезли за обрывом.

* * *

С той поры минуло больше ста лет. Исчез на Кондоме и заселок с редутом, и церковки не стало. Только молва людская по сей день зовет ту скалу у Чарлыка скалой Горя. Всю свою жизнь туда приходила и слезы лила казацкая жонка Тортѣ Летаева.